

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

С.К. Севастьянова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Письма патриарха Никона к грекам и традиции поздневизантийской эпистографии

Аннотация: В статье рассматривается стилистика и структура писем патриарха Никона его греческим корреспондентам. Показывается, что переписка патриарха Никона с греками, составленная в традициях поздневизантийского письма, оставила заметный след в русской эпистографии XVII в. и отразила определенный этап ее развития.

Ключевые слова: древнерусская литература, эпистография, патриарх Никон.

Среди сторонников патриарха Никона, в июле 1658 года оставившего патриаршую кафедру, были не только его соотечественники, но и греки, которые поддерживали опального святителя и сочувствовали ему: архимандрит афонского Кастамонитова монастыря Феофан, переводчик газского митрополита Паисия Лигарида дьякон Агафангел, курьер иерусалимского патриарха Нектария Савва Дмитриев, иконийский митрополит Афанасий.

Особую роль в жизни московского патриарха сыграли Афанасий Иконийский и Савва Дмитриев. Летом 1665 года иконийский митрополит написал патриарху Никону 2 письма из Симонова монастыря; только во втором есть дата – 29 июня. На оба послания Афанасия московский владыка дал ответ. Переписка Никона с Саввой началась через полгода после прибытия грека в Москву и длилась с мая 1665 года по январь 1666 года. Находящийся под стражей «в Верху, в палатах» царя грек адресовал московскому патриарху 5 писем; нет даты только в первом из них; второе датировано 1 июня, третье – 14 июня 1665 года, четвертое – 1 января, пятое – 2 января 1666 года. Никон ответил на второе, третье (этот ответ имеет дату 11 августа 1665 года) и пятое письма, отдельно составил небольшое послание Савве, на которое тот ответил 1 января 1666 года.

Переписка Афанасия, Саввы и Никона в автографах не сохранилась. Их послания бытовали в списках XVIII века; изданные архимандритом Леонидом (Кавелиным) по рукописи из собрания В.М. Ундольского, содержащей крайне неисправный список [А. Л-ъ, 1873, с. 1618-1640] (ныне: РГБ, ф. 310, № 415, л. 319-351), они до сих пор не привлекали внимание исследователей.

Чтобы выявить своеобразие формы и содержания ответных писем патриарха Никона, необходимо рассмотреть стилистику и структуру посланий греков к нему¹. Письма Саввы и Афанасия отличаются особой риторической «выделкой»; несмотря на разное социальное положение (курьер и митрополит) авторы умело применяют знания законов греческой эпистографии в переписке с московским патриархом.

¹ В дальнейшем письма греков цит. по рук.: РГАДА, ф. 357, оп. 1, д. 127 (перв. треть XVIII века), л. 266-292. Ссылки на листы рук. проставляются в тексте в круглых скобках после цитаты.

В исследовательской литературе о структуре средневекового письма нет единого мнения о количестве составляющих его частей. В.А. Сметанин в поздневизантийском греческом письме различает четыре части: внешний адресат (*inscriptio*), формулу обращения (*praescriptio*), содержание (семантема) и заключение (*clausula*) [Сметанин, 1978, с. 68]. В латиноязычных письмах средневековья и Возрождения принято выделять пять частей: приветствие (*salutatio*), вступление (*exordium*, где особо принято говорить о снискании благорасположения – *captatio benevolentiae*), сообщение (*narratio*), просьба (*petitio*) и заключение (*conclusio*) [Подтергера, 2003, с. 51]. Латинские письма, в отличие от греческих, имеют подпись и дату [Skwarczyńska, 1937, s. 223-224].

В письмах митрополита Афанасия выделяются две значимые части: начальное обращение (соответствующее *praescriptio* и *salutatio*), содержание (подобное семантеме или *narratio*); завершаются письма, подобно латинским, подписью – «Последний раб святителству твоему, митрополить иконийский и каппадокийский Афанасий» (267) или датой и подписью – «1665-го года месяца иуния в 29-й день. Последний раб святителству твоему, митрополить иконийский и каппадокийский Афанасий» (272). Начальное обращение в письмах митрополита открывается титулом с именованьем адресата и завершается в традициях византийских посланий к высокопоставленным особам словесными выражениями радости, «целования» рук, ног, души и припадания ниц¹. В первом письме, по сравнению со вторым, титул более «развернут» и включает в себя сравнения и выражения, не характерные для прескрипта второго письма. Особенность прескрипта писем Афанасия в том, что ни в одном из них ни разу не названо имя автора: между тем, с античных времен становления эпистолярного жанра значение придавалось «внешнему облику» обращения, последовательности расположения имен адресата и отправителя [Античная эпистолография, 1967, с. 24]. В поздневизантийской традиции требования к оформлению начального обращения становятся менее строгими, что находит отражение в письмах к современникам писателей второй половины XVII века [Подтергера, 2003, с. 54].

Во втором письме иконийского митрополита после начального обращения можно, на мой взгляд, выделить самостоятельную часть, отчасти напоминающую *captatio benevolentiae* латинских писем; автор восхваляет адресанта в надежде получить от него благорасположение: «Об томъ желаю и ведаю, божественное // пресвятителство твое, владыко святой, слышащи святое твое имя и неизреченную милость пришедцемъ, яко ихъ любишь и одеваешь, яко отецъ чадолубивый, и будеть тебе заплата от Господа во Царстве Небесномъ...» (270 об.-271).

Композиция писем Саввы Дмитриева к патриарху Никону имеет свои особенности. Для четырех из них характерна строгая трехчастная структура. Первая значимая часть – начальное обращение, состоит из обширного титула, приветствия, выражения радости, благоговения и припадания ниц: «Пресвятейший и Богомъ почтенный, и словеснейший, и премудрейший, и Богом избранный, равноапостолье и всемъ разумнымъ цветъ, звезда видимая, светящая над нами, мой государю и отче, господи, господи, Никоне! Святителству твоему колена преклонь, кланяся и святую твою десницу целую, моляся во Троице певаемому Богу, да здравствуеши въ Бозе, // высочайшее твое пресвятителство сугубо пред Богомъ положивъ пресвятейший чин во отхождении благо. Аминь. По уставу соборной и великия Церкви Христовы и всехъ православныхъ христиан от мене, последнего раба твоего, похвала и веселие» (277-277 об.). Начальные обращения в письмах Саввы текстуально близки и включают в свой состав традиционные для библейской и византийской житийно-гимнографической литературы метафоры и сравне-

¹ «Блаженную твою душу целую и кланяюся, преклонши на землю, руке и нозе со смысломъ целую моимъ писаниемъ» (266-266 об.); «И во Христе целую святую твою десницу и священно облобызаю» (270 об.).

ния: Никон подобен «звезде» «видимой» и «явной», светящей от востока; он – «всякого разума цветъ» [Адрианова-Перетц, 1947, с. 29-31, 55-59], он «равноапостолье», «Богом избранный», «Богом почтенный, и Богомъ наученный»; эпитеты употребляются в превосходной степени – «пресвятейший», «словеснейший», «премудрейший», «богъсловеснейший»; свое имя в начальном обращении Савва не называет, а вместо этого употребляет типичную формулу христианского смирения, являющуюся в то же время одним из типичных проявлений эпистолярной техники, – «последний и смиренный раб твой». Первое свое письмо к Никону Савва начинает кратким приветствием «Владыко мой!» (275), которое позволяет увидеть в послании грека влияние позднеантичной эпистолярной традиции, требующей от автора письма предельной четкости и емкости формулировок, «не болтать попусту... а начинать так: “такой-то такому-то шлет привет”» [Античная эпистолография, 1967, с. 24].

Письма Саввы завершаются, как правило, датой и подписью, что не было характерно для частных византийских писем [Буланин, 1984, с. 107]. А вот клаузула, выраженная в виде «формулы здоровья», находится в полном соответствии с византийской эпистолярной практикой¹.

Самая значительная часть посланий греков – центральная. Главное требование, предъявляемое византийскими письмовниками к содержанию этой части, – «относительная краткость», емкость повествования [Berger, 1984, S. 1031-1432; Буланин, 2004, с. 228]. Рассуждать в меру, чтобы не докучать своему адресату, стремился и Савва: «Да не воздамъ доуку святителству твоему» (290). Между тем, в небольших по объему письмах Саввы, называемых им «малыми писаниями», краткость была не столько достоинством письма, сколько вынужденной мерой: «И да мя простишь, владыко, за мое малое писание, что есть вскоре: от моя многия смуты умъ мой несть со мною, и да имею прощение» (276).

По содержанию письма греков близки. Авторы связывала общность ситуации – пребывание в России под стражей, ссылка и обращение к человеку, за сочувствие к которому они понесли наказание. Но выступив на стороне патриарха Никона, они сами нуждались в поддержке и защите. По разным причинам вовлеченные в «дело» Никона греки в письмах к московскому владыке сетовали на судьбу, делились с ним своими сомнениями и переживаниями.

Принятие стороны московского патриарха для иконийского митрополита было осознанным шагом. Афанасий подчеркивал, что его страдания и душевные муки связаны только с мыслями о его спутниках, арестованных в Москве, осужденных и сосланных в дальние монастыри. Чтобы передать глубину охвативших чувств, митрополит прибегает к сравнению своих страданий за товарищей с переживаниями одного из самых известных персонажей византийской агиографии Евстафия Плакиды: «...печаль моя есть великая и разторжена... и стражу zde, во чужей земли, и о разорении моемъ не печалую, едино токмо о людехъ моихъ стражду, яко страдалникъ Еустафий: единъ взялъ супружницу его, и волкъ взялъ едино чадо его, и медведь другое, // и о томъ не сетова, токмо в Бозе веселился в нуждахъ своихъ. Также и аз, убогий и рабъ святителству твоему» (271 об.-272).

Савва Дмитриев, напротив, не был готов к резкому повороту судьбы: в «деле» Никона он оказался случайно. Он сосредоточен на личных переживаниях; не способный самостоятельно преодолеть душевных мук, он обращается к мо-

¹ «Молюся и премолюся святителству твоему, пишу в Господе, честный отчет, и здравствуй! Не забуди насъ писаниемъ твоимъ божественнымъ отписати» (276); «Едино благодарю и преблагодарю, и небесному // Богу молюся, яко грешникъ, да ты сотворишь многолетна и да воздасть ти всегда по желанию, егоже желаешь, и вышняго Иерусалима. Молюся, да сохраняеть всесвятительство твое в мире на лета приходящия. Аминь. Не отстави мене грамотою своею, Богомъ почтенный отчете» (287-287 об.); «Молюся в Троице певаемому Богу, да сохранитъ всесвятительство твое в мире к текущимъ летамъ многимъ. Аминь. Не отужай насъ грамотою твоею, богомудрый отчете» (290).

сковскому владыке в надежде обрести в нем духовного наставника: «И прости мене, Бога ради, зане подобало и лучши того почитати блаженство и все, да не веъмь, что делать, якоже есмь zde в заточение, не имамъ промысленика. Едино какъ дасть Господь Богъ, и будетъ по воли твоей... Умъ мой несть со мною от множества печали моей, о которой не могу и писати... И zde пришедъ, и сежу толикое время запертъ, и имею толик убытокъ и ни о какомъ деле разсмотреть не-возможно: толико скорбь моя, и не имамъ, что глаголати» (276 об.-277). Савва называет скорбь постоянным состоянием его души: «...скорбь есть злый оргѧнъ душевныхъ грехов, и немного смышляя о томъ, знаючи божественную проповедь, намъ глаголющую: “Аще ли хотите последовати Мне, продадите имения ваша, и дадите убогимъ. Возвратися и иди воследъ Мене” (Мф. 19: 21). Также и азъ, грешный, стражу ради греховъ моихъ, есмь в таковемъ безумии. Едино ни темъ, что гоняюся, но иже Бога постизающимъ, колико имать человекъ от Вышняго Промысла разумение» (278).

Рассуждая о немилостивой судьбе и промысле Божьем, Савва использует характерный для средневековой письменности прием аналогии, находя в библейской истории и византийской агиографии образы и сюжеты, близкие по содержанию переживаемым им событиям. Савва сравнивает себя с ветхозаветным Иовом; обращается к образам пророка Давида, императора Константина Великого; вспоминает апокрифический сюжет о сотворении Богом первого человека – Адама от четырех стихий; для характеристики душевного состояния Савва использует метафорический образ корабля «посреде моря, егоже займутъ великия послы от всехъ четырехъ странъ, и не имать, куды ворохнутися, и часу от часа ждетъ сокрушения своего» (288 об.). Патриарх Никон даже выразил восхищение стилем грека: «...и почюдихся сладости словесъ твоихъ: словеса твоя суть, яко Сираха сладкоглаголиваго...» (93).¹

Можно заключить, что послания греков по структуре и стилистике соответствуют традициям поздневизантийской эпистолярной техники.

Русская эпистолография находилась, как известно, под сильным влиянием греческой литературной традиции [Буланин, 2004, с. 230]. Греко-византийские образцы оказали существенное воздействие на творчество древнерусских авторов, публицистов и книжников [Breloer, 1964, с. 10-19; Буланин, 1984, с. 100-117; Калугин, 1998, с. 147-239; Каравашкин, 2000, с. 219-254; Гусев, 2004, с. 82-101; Федотова, 2005; Шунков, 2006]; в лучших традициях греческой риторической школы составлены и письма русских силлабиков [Frisk, 1995, р. 138-157; Сазонова, 1998а, с. 608-615; 1998б, с. 615-623; Strachov, 1998; Русские поэты, 2001, с. 45, 59-63; Подтергера, 2000 и др.]. Греко-византийская эпистолярная техника оказала влияние и на ответные письма патриарха Никона грекам. Но Савва и Афанасий первыми обратились к московскому патриарху, поэтому их письма могли «спровоцировать» невольное «подражание» Никона греческим образцам и побудить его к использованию в ответных посланиях определенных стилистических средств и возможностей поздневизантийской эпистолярной схемы.

Письма Никона имеют четкую структуру и состоят, как правило, из трех значимых частей: обращение к адресату, центральная часть и заключение. Содержание и наполняемость устойчивыми эпистолярными мотивами каждой части, архитектоника посланий патриарха Никона определяются адресатом.

Византийские эпистографы, чтобы подчеркнуть смысловую нагрузку начальной части своих посланий, любили открывать письма цитатой или пословицей. Для фокусирования внимания на самом важном и актуализации ключевых тем посланий использует позиции выдвижения и патриарх Никон. Прескрипт в

¹ В дальнейшем письма патриарха Никона к грекам цит. по рук.: ГИМ, собр. П.И. Щукина, № 667 (конец XVII – первое десятилетие XVIII века), л. 77 об.-107. Ссылки на листы рук. проставляются в тексте в круглых скобках после цитаты.

письмах Никона сопровождается, как правило, сообщениями о получении письма, на которое составляется ответ, и восхвалением не только его содержания, но и достоинств его автора – это традиционные мотивы греческой эпистологии: «Грамоту твою прияхъ и добре выразумехъ, и знатно ми есть о твоємъ злострадании» (105). Восхваляя своих адресатов – «нового исповедника правды» митрополита Афанасия (78 об.) и «злостраждущего правды ради» Савву (98 об.-99), Никон обращается к библейским книгам и с точки зрения Священного Писания дает высокую оценку их поступкам: «Грамоты твои второе, писанья к намъ, прочтохъ, выразумехъ добре и, благословля, благословлю твое преблагенство, яко не туне имя на себе носиши безсмертия, но и дела, и произволение // достойно званию дееши. Да приложить ти Господь древняго Финееся ревность на беззаконно блудившаго Лигарида, и приемши мечъ духовный, прободеша лукавое сердце и смышление, и збудется реченное во псалмехъ: “И ста Финеесь и угоди, и преста сечь, и вменися ему в правду в родъ и родъ до века” (Пс. 105: 30-31)» (83 об.-84).

Заключительная часть посланий патриарха Никона по сравнению с началом его писем является наиболее «сильной» позицией¹. Письма к грекам он завершает, как правило, нравоучительным советом из подобранных по смыслу библейских высказываний, поданных в форме цитат и парафразы²; причем завершение посланий цитатой или учительным советом (как в границах послания, так и за его пределами) – традиция, характерная для памятников русской деловой письменности XVII века, которая прослеживается в сочинениях не только патриарха Никона, но и в челобитных бывших его друзей и единомышленников – Аввакума и Ивана Неронова, в некоторых посланиях царя Алексея Михайловича [Демин, 2003, с. 374-387]. Первое письмо к иконийскому митрополиту Никон завершает следующей подборкой библейских цитат и устойчивых выражений: «“Не печалуй, брате, благое творя” (Гал. 6: 9), но: “Постражди, яко добръ воинъ Христовъ” (2 Тим. 2: 3). Послушай пророка Божия, блажаща тя: “Блажени бо, – рече, – ходящии в заповедехъ Его” (Откр. 22: 14). И паки: “Блаженъ мужъ, бояйся Господа, в заповедехъ Его восхощетъ зело; силно на земли будетъ семя его” (Пс. 111: 1-2)» (81 об.). Второе письмо к Савве завершается другой цитатой и парафразой, ставшей в письмах Никона устойчивым библейским фразеологизмом: «Здравъ буди и о наказании Господни не изнемогий (Евр. 12: 5). Писано есть: “Не попуститъ Господь паче, еже подобаетъ искуситися, дасть бо, – рече, – Господь со искушениемъ и изводство немощи нашей” (1 Кор. 10: 13)» (99 об.). Совет патриарха Никона страдающим в неволе единомышленникам по своему содержанию традиционен и имеет близкую параллель в первых античных письмовниках, которые рекомендовали в утешительных посланиях использовать следующие выражения: «Я решил утешить тебя письмом, раз уж не могу сделать это лично. Переноси случившееся как можно легче...» [Античная эпистолография, 1967, с. 11].

Главная особенность писем Никона заключена в их центральной части. Патриарх цитирует и комментирует послания Афанасия и Саввы и свое мнение подкрепляет ссылками на библейские источники. Такой способ построения ответного послания соответствует одной из традиций античной эпистолярной теории, согласно которой «писать ответ нужно так, чтобы письмо, на которое ты отвечаешь, было под руками, дабы ничто из того, на что должен быть дан ответ, не ускользнуло из памяти» [Там же, с. 20-21]. Между тем, цитирование текстов оппонентов – традиционный принцип полемической литературы, способ ведения спора.

¹ С точки зрения психолингвистики, конец текста сильной позицией не является [Семенова, 2002, с. 95-96].

² Связь положения цитаты в тексте с выражением ею главной идеи повествования можно сравнить с описываемым в психолингвистике явлением, названным «топиком», механизм «работы» которого заключается в «вычленении значимой части ситуации, что опирается на ориентировочный рефлекс» [Ахутина, 1989, с. 41].

Композиция ответных посланий патриарха Никона находится в зависимости от содержания писем греков: текстовые фрагменты из посланий своих товарищей автор ставит в композиционно сильную, инициальную позицию, которая усиливает и повышает статус «чужой речи» [Максимова, 2005, с. 37-42]. Явные и скрытые цитаты из писем греков структурно организуют ответные послания патриарха.

Введение цитируемых из писем греков текстовых фрагментов обозначается Никоном типичными конструкциями со значением письма или говорения. «Инициальное-чужое» имеет разный объем, который варьируется от нескольких слов, до целых фраз. «Слова» греков патриарх Никон вводит чаще всего в виде косвенной речи, внутри которой помещается несобственно-прямая. Вот примеры из переписки патриарха с митрополитом:

Письма митрополита Афанасия	Ответные письма патриарха Никона
1) «Молюся всецелному Богу, да мя сподобит видети телесне тебе»;	1) «А яже пишеть твое преблаженство: и молишися всецелному Богу, да ты сподобит видети мя телесне»;
2) «Едино, владыко мой святой, кь миру пришло, еже правды не любят, едино токмо лжи желают»;	2) «А яже глаголеши, яко правды не любят; не токмо сами не любят, но и любящих ненавидят и гонят»;
3) «...а людей моих послаша в Сибирь, а иных, не знаю, куды сослаша» (266 об.);	3) «А о людех печалуеши: овых в Сибирь сослаша, овых не веси, куды сослаша» (81);
4) «Премудрый мой отче! Нечестиваго Лигарида ложь совершилася, по словесехъ преблаженнаго брата твоего: прислалъ писание и отлучилъ его, и проклялъ, аки папешника и злаго человека, глаголетъ, и лживаго» (271);	4) «Пишетъ твое преблаженство, яко нечестиваго Лигарида ложь совершилася по словесехъ преблаженнейшаго брата нашего: и прислалъ писание, и отлучилъ его, и проклялъ, яко папешника и злаго человека» (84);
5) «И другое: бывъ в Цареграде Сихурский, и гнавъ его Константинопольский, да посадить его в каторге, и не знаю, куды ушелъ. Ныне стали слепы все»;	5) «И паки пишеть другое: бывъ во Цареграде Сихурский, и гнавъ его Константинопольский, да посадит его в каторгу, и онъ ушелъ. И ныне стали слепы все» (84 об.);
6) «Единому слышавъ: восприимникъ мой идетъ си, тогда воспишу о всемъ святителству твоему, и той несеть грамоты ко мне»;	6) «И еще возвещаетъ нам твое преблаженство, яко восприимник твой едетъ, и тогда воспишеша намъ» (85);
7) «Молися Богу за насъ, занеже печаль моя есть великая и разторжена, и желаю правду, о чемъ есть мне приказано...» (271 об.).	7) «И еще же пишеть твое преблаженство, яко печаль твоя есть великая, разторжена, и желаеши правду, о чемъ тебе приказано» (85 об.).

С письмами Саввы патриарх Никон поступает аналогичным образом: письменное «слово» грека передается в форме косвенной речи, внутри которой можно обнаружить и точную цитату из письма-источника:

Письма Саввы Дмитриева	Ответные письма патриарха Никона
1) «Ради скорого писания поспешаю речь мою, за что меня призывали единова и дважды на судъ, и ныне во третий, и надобно не отрещися, но поити с великою радостию, занеже тако от патриарха имею заповедь. И тако видимъ, яко заповеди их подобаетъ творити и мне, яко отеческий приданник //	1) «Пишеша, праведниче, яко призывали единова и дважды на судъ и ныне в третий, и надобно не отрещися, но поити // с великою радостию, зане тако от патриарха имею заповедь. И тако видимъ, яко заповеди их подобаетъ творити»; «И паки пишеть, яко еще поучаютъ тя» (94-94 об.);

<p>еще поучаетъ насъ» (278 об.-279);</p> <p>2) «И другое: за тайности други и сказываютъ намъ, что всегда да будетъ неразумие в людехъ и безсоветие, и тако во многихъ оболгающесе словомъ, припадають недруги во многомъ труде, и есть лукавство, а не добро» (279);</p> <p>3) «... и славимъ Вседержителя Бога, такожде да дасть всеблагий Богъ снитися и купно глаголати, якоже изволить Богъ святей...» (283 об.);</p> <p>4) «...и не имею, где припасти ради освобождения моего, кроме благоутробия Божия и в милость многолетнего царя» (288 об.);</p> <p>5) «...понеже ныне други // и недруги вси мене ненавидятъ, и хотя и извещу которому другу какую мою тайну, и онъ смышляетъ недоброе извещение мое, и ненавидятъ мя боле тако, чтобы не слышалъ о мне» (288 об.-289).</p>	<p>2) «И другое: за тайности други и сказываютъ тебе, что всегда да будетъ неразумие в людехъ и безсоветие, и тако во многихъ оболгающесе словомъ, припадаютъ недруги во многомъ труде, и есть лукавство» (94 об.);</p> <p>3) «Пишетъ твое преблаженство, да дасть Богъ снитися и купно глаголати» (99);</p> <p>4) «Обретохъ же и се написано в твоей грамоте, яко не имее//ши, где припасти ради освобождения своего, кроме благоутробия Божия и милости многолетнего царя» (105-105 об.);</p> <p>5) «И еже посихъ <пишешь>, что други и недруги вси тебе ненавидятъ, и хотя известишь которому другу какую тайну, и онъ смышляетъ недоброе извещение твое, и ненавидятъ тя боле такъ, что ни слышали отъ тебе» (106).</p>
--	---

Составляя ответное послание, патриарх Никон выработал определенный способ работы с письмами своих респондентов. Его техника отчасти напоминает реферирование. Он выбирает из текстов оппонентов опорные фразы и цельные фрагменты, которые служат ему основой для построения собственных рассуждений. Цитаты из посланий греков провоцируют ответы патриарха и побуждают его к выстраиванию четкой аргументации; их главное назначение – в текстопостроении: сначала они формируют структуру посланий Никона, затем определяют содержание каждого тематического блока.

Центральная часть ответных писем патриарха Никона строится по принципу тезис – ответ, где первая часть – цитата из письма респондента, а вторая – дидактический совет Никона отправителю письма, рассуждения назидательного характера. Ответ Никона может быть лаконичным и представлять собой непосредственный отклик на письмо респондента. Савве, который, согласно эпистолярному этикету, сообщил Никону о своем здоровье и просил патриарха молиться за него, патриарх отвечал: «Вторую грамоту твою принялъ и выразумилъ добре... И молимся Господу Богу со всею братиею да здравствуеши всегда и на многа времена» (93). Никон мог просто одобрить какое-то решение, принятое отправителем письма. В этом случае ответ патриарха особенно краток и лаконичен и имеет вид сложноподчиненного предложения с придаточным условия: «И еще возвещаетъ намъ твое преблаженство, яко восприимник твой едетъ, и тогда воспишеша намъ. Добре сотвориши, аще возвестиши» (85). Патриарх может приободрить своих товарищей, отметив их положительные качества. Например, Никон хвалит Савву за способность здраво рассуждать и логически мыслить: «И паки пишеть, яко еще поучаютъ тя... и сказываютъ тебе, что всегда да будетъ неразумие в людехъ и безсоветие... Благодатное чюство, разумъ имеши, елико добро и елико зло да раз//суждаеши; зане не имать всяко дело и слово подвигнутися от человека, прежде даже не выразуме, ибо безсловесии скотове смертоносныхъ былий не вкушаютъ, зане положено бе имъ чюство обоняния прежде вкуса и еже ко здравую былия вкушаютъ, злая же оставляють, аще и гладни суть» (94 об.-95).

Но чаще всего, давая советы назидательного характера, патриарх Никон обращается к текстам Священного Писания. Библейские цитаты либо непрерывно следуют друг за другом, либо чередуются с авторскими словами.

Стремление Никона к построению четкой аргументации побуждало его обратиться к приемам полемики, что объяснялось и практической задачей: патриарх Никон вступал в письменный диалог со своими собеседниками, отвечал им, комментировал их мнение, давал оценку их поступкам. Несмотря на то, что патриарх не вел открытого спора с оппонентами, для его писем характерна скрытая полемичность, благодаря чему ответы патриарха Никона можно условно разделить на два типа: «обличительные» и «увещательные». В первом случае Никон показывает неправоту суждений и поступков оппонентов, отмечает проявления слабости духа своих товарищей, поэтому особое значение для убеждения греков имеет количество библейских цитат и их положение в инициальной, сильной позиции текста; содержание ответов второго типа, напротив, должно утешить товарищей патриарха, укрепить их в вере, предотвратить сомнения; здесь Никон чередует цитаты и собственные рассуждения, цель которых – привлечь внимание собеседника к наиболее важным темам повествования.

Обличительный характер носят ответы Никона на «вопросы» Саввы Дмитриева. Чтобы подавить сомнения грека, указать на поступки, противоречащие христианским заповедям, Никон открывает ответное повествование цитатным рядом; собственными рассуждениями дробит цитатный монтаж; ответ патриарха может завершаться резюмирующим выводом в виде библейской цитаты. Часто в качестве дидактического примера патриарх приводит свой собственный опыт.

Свои рассуждения Никон начинает с провоцирующей цитаты из письма Саввы: «Обретохъ же и се написано в твоей грамоте, яко не имее//ши, где припасти ради освобождения своего, кроме благоутробия Божия и милости многолетнего царя». Поскольку в «вопросе» Саввы содержится сомнение, предполагающее два пути его разрешения – уповать на Бога или обратиться за помощью к царю, то патриарх Никон сразу вводит цитатный ряд: «Вестъ: “Господь благочестивыя от напасти избавляет” (Пс. 33: 18) и прочая. Апостолу божественному свидетельствующу: “Ибо вси, хотящия благоверно жити о Христе Иисусе, гоними будутъ. Лукавыя же человецы и чародее преуспеютъ на горшая” (2 Тим. 3: 12-13) и прочая. И паки самому Господу глаголющу: “Прежде же сихъ всехъ возложить на вы руки своя и изженуть, предающе на сонмищи и темницы, ведоми ко царемъ и владыкамъ имени Моего ради. Прилучитъжеся вамъ во свидетельство” (Лк. 21: 12-13)». Расположение цитат подчинено определенному принципу. Начинается ряд с цитаты, содержащей единственный вариант, исключающий сомнения. Вторая цитата о гонениях – участии каждого, кто следует заповедям. А содержание третьей цитаты – о судьбе учеников – полностью исключает обращение за помощью к власти имущим. На собственном примере Никон доказывает Савве, что все происходящее с ним, соответствует библейским пророчествам: «И все, еже о насъ, збытся, и несть лепо гневатися намъ на царя и владыки, и боляръ, яко тако писано есть, и тако подобаетъ всемъ писаннымъ скончатися. Ихъ время пришло, что мучити, а намъ, Христа ради и святыхъ Его ради заповедей, мучитися». И завершает свое поучение назидательным обращением к Савве в виде цитаты из послания апостола к Тимофею: «“Злопостражи, яко добръ воинъ Христовъ!” (2 Тим. 2: 3)» (105-106). Эта фраза аккумулирует в себе идею всего послания.

Принцип построения «увещательных» ответов Никона грекам состоит в следующем. Инициальная позиция цитатных цепочек здесь не является обязательной. Назначение цитатной вставки – убедить адресата. Маркирование Никоном библейских высказываний обязательно; техника монтажа делает повествование фрагментарным и прерывистым; однако в комментариях, обрамляющих цитатные ряды и обозначающих границы цитатного слова, для привлечения внимания собе-

седника к наиболее важным темам повествования Никон повторяет ключевую лексику цитат; образуемые при помощи лексических и фразеологических повторов семантические ряды связывают в смысловом единстве повествование и придают ему цельность и завершенность; подчеркивая смысловое единство повествования, патриарх Никон завершает рассуждения цитатой либо выводом, лексика которого базируется на топике Священных текстов.

Назидательный совет патриарха Никона митрополиту Афанасию, пребывающему в печали, следует сразу после цитаты из письма оппонента; ответ подан в виде цитатного монтажа: «Жалиши же, яко страж//деши в чужей земли. “Господня есть земля и исполнение ея” (Пс. 23: 1). Божественный апостоль глаголетъ: “Не имамы зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ” (Евр. 13: 14). И Самъ глаголетъ: “Лиси язвыны имуть, и птицы небесныя – гнезда; Сынъ же человеческий не имать, где главы подклонити” (Мф. 8: 20; Лк. 9: 58). Приточникъ глаголетъ: “Чадо, аще приступаеши Господеви работати, уготови душу свою во искушение” (Сир. 2: 1)». Опорное слово из провоцирующей цитаты респондента – «земля» – встраивается в синонимический ряд со значением земного места пребывания для живого существа: «Господня земля», «град», «язвыны», «гнезда», который явно противопоставлен выражению «где главы подклонити», подчеркивающему отсутствие «постоянного» пристанища на земле у того, кто следует за Христом. При помощи семантической оппозиции земля-небо патриарх Никон внушает оппоненту, что отечество христианина – «грядущий град», град небесный.

Обращение патриарха Никона к митрополиту, разрывающее цитатный монтаж, само имеет две части: утешительно-советную, которая подытоживает содержание первой группы цитат, и утешительно-обнадеживающую, которая подготавливает появление второй группы. Патриарх Никон слегка перефразирует два библейских высказывания: «Доброе же творяще да не стужаемъ ся» (Гал. 6: 9) и «Да не постыжуся, яко уповахъ на тя» (Пс. 24: 20). Содержание следующих затем новых библейских фраз должно убедить митрополита в том, что праведников ждет спасение от Бога: «Господу свидетелствующу: “По вере твоей буди тебе” (Мф. 9: 29). И паки инде пишеть: “Верова Авраамъ Богу, и вменися ему въ правду, другъ Божий наречеся” (Иак. 2: 23)».

Новое обращение к собеседнику, построенное на библейской фразеологии, служит переходом к резюмирующему заключению, выраженному цитатой из Псалтири: «И // аще веруеши, яко силенъ есть спасти тя Господь Богъ (Соф. 3: 17), по писанному во псалмехъ: “Многи скорби праведному, и от всехъ ихъ избавит я’ Господь. Хранить Господь вся кости ихъ, и ни едина сокрушится” (Пс. 33: 20-21)» (85 об.-86 об.).

Подведу итоги. Содержание и структура ответных писем патриарха Никона к грекам определились содержанием посланий греков к нему и характером переписки, задаваемой отправителями писем. Все письма Никона имеют прескрипт, где имя автора – патриарха Никона – неизменно стоит на первом месте, перед именем адресата, что подчеркивает не только высокое положение Никона в Русской Церкви, но и то, что московский патриарх занимает равное с другими вселенскими святителями место в пентархии патриаршей власти, ведь письма Никона были адресованы не его соотечественникам, а грекам. Кроме того, именно такой «внешний облик» начального обращения придавал пышность, тождественность письму патриарха, настраивал на поучительный тон. Некоторые письма Никона имеют подпись и дату.

Важнейшая часть писем патриарха Никона – центральная, которая строится в традициях полемических посланий и имеет так называемую «вопросо-ответную» форму, составленную по принципу тезис-совет, где первая часть – цитата из письма отправителя, вторая – рассуждения автора по поводу тезиса. Характер дидактической направленности второй части ответа патриарха определяется содержа-

нием «вопроса» грека: Никон может обличать (сначала доказывать неправоту собеседника, снять возникшие сомнения, а затем предложить свое решение проблемы) или увещать собеседника (без обличения).

В отличие от греков, находящих образцы для подражания в агиографии, апокрифической литературе и, конечно, в Библии, единственным источником идей патриарха Никона служат книги Священного Писания. Если греки не перегружают свои тексты библейскими цитатами, то излюбленным приемом патриарха Никона в переписке с единомышленниками становится составление цитатных цепочек: используя прием монтажа, автор оказывает дидактическое воздействие на адресата цитатной массой; обозначив границы цитатного ряда при помощи авторских комментариев, Никон как будто намеренно зажимает цитаты, чем подчеркивает даже внешнюю укрупненность цитатного слова. К двум библейским высказываниям автор обращается наиболее часто: Гал. 6: 9 (5 раз), 2 Тим. 2: 3 (3 раза). Прочитанные или слегка перефразированные, они становятся знаками, маркирующими текст в целом. Ключевая тема посланий апостола Павла – о проявлении стойкости в служении и терпения во время гонений, наиболее ярко выраженная в этих высказываниях, превращается в лейтмотив, который формирует семантическую систему писем патриарха Никона к грекам.

Переписка патриарха Никона с греками, составленная в традициях позднего античного письма, оставила заметный след в русской эпистолографии XVII века и отразила определенный этап ее развития.

Литература

- А. Л.-ъ. Переписка святейшего патриарха Никона с митрополитом Иконийским Афанасием и грамотоносцем Иерусалимского патриарха Нектария Севастьяном или Саввою Дмитриевым // Русский архив. М., 1873. № 9.
- Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
- Античная эпистолография. Очерки. М, 1967.
- Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.
- Буланин Д.М. Корпус древнерусских эпистолярных памятников на немецком языке // Русская литература. 2004. № 3.
- Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.
- Гусев А.В. Письма царя Алексея Михайловича как исторический источник // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2004.
- Демин А.С. О древнерусском литературном творчестве: Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Илариона до Ломоносова. М., 2003.
- Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998.
- Каравашкин А.В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000.
- Максимова Н.В. Функционирование «чужой речи» в ответном типе текста // Филологические науки. 2005. № 3.
- Подтергера И.А. Письмо и послания Симеона Полоцкого: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.
- Подтергера И.А. Эпистолография *sub specie rhetorica* (по материалам писем и посланий Симеона Полоцкого) // Риторическая традиция и русская литература. СПб., 2003.
- Русские поэты XVII-XIX веков: Собрание биографий. Челябинск, 2001.
- Сазонова Л.И. Сильвестр Медведев // Исторический лексикон: XVII век. М., 1998а.

- Сазонова Л.И. Симеон Полоцкий // Исторический лексикон: XVII век. М., 1998б.
- Семенова Н.В. Цитата в художественной прозе (На материале произведений В. Набокова). Тверь, 2002.
- Сметанин В.А. Эпистология поздней Византии, проэлевсис (конкретно-историческая часть) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1978. Вып. 15.
- Федотова М.А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты. М., 2005.
- Шунков А.В. Жанр послания в русской литературе XVII века: (на материале эпистолярного наследия царя Алексея Михайловича). Кемерово, 2006.
- Berger K. Hellenistische Gattungen im Neuen Testament // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von H. Temporini, W. Haase, Berlin; New York, 1984. Reihe 2, Bd. 25.
- Breloer M. Zur Geschichte des russischen Privatbriefes in der ersten Hälfte der 17. Jahrhunderts. Bonn, 1964.
- Frisk D.A. Sailing to Byzantium: Greek Texts and the Establishment of Authority in Early Modern Muscovy // Harvard Ukrainian Studies. 1995. Vol. 19.
- Skwarczyńska S. Teoria listu. Lwów, 1937.
- Strachov O.B. The Byzantine Culture in Muscovite Rus': The Case of Evfimij Chudovskii (1620-1705). Köln; Weimar; Wien, 1998. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd. 26).